Генри Бедфорд-Джонс

Роман

Кровь орла

Перевод с английского Дмитрия Быкова

Дмитрий Быков

Кровь орла

«Автор»
2026

Быков Д.

Кровь орла / Д. Быков — «Автор», 2026

Индокитай 1922-го. В городе мандаринов плетутся заговоры, золото течёт рекой, а толпа ждёт чуда. Американец Смит и самозваный король Ардзуни оказываются между жадностью купцов, ядом евнухов и пророчеством о священном орле. Когда дворец берут штурмом, судьбу решает не миф, а гул мотора: аэроплан рушит старый порядок в один миг. Динамичный палп-роман Генри Бедфорд-Джонса — экзотика джунглей, дворцовые интриги и честный взгляд на то, как рождаются и рушатся мифы власти.

© Быков Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава I 6
Глава II 9
Глава III 11
Глава IV 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Дмитрий Быков
Кровь орла

Генри Бедфорд-Джонс Кровь орла

Перевод с английского Дмитрий Быков,

Copyright Дмитрий Быков перевод, 2026

Оригинал: Blood of the Eagle // Munsey's Magazine, May 1922, pp. 142–192. Произведение опубликовано в общественном достоянии.

Издатель: Дмитрий Быков , 2026

Все права на перевод защищены. Никакая часть данного перевода не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя перевода.

Источник текста оригинала: Wikisource — The Blue Book Magazine / Munsey's Magazine, 1922. Текст публикуется в общественном достоянии.

"Орёл — не птица, а знак. Кто носит его кровь, тот помнит всё, что забыли империи".
Генри Бедфорд-Джонс

Глава I

Сезон дождей закончился, но уровень воды всё ещё не опустился до сухого времени года. Огромное речное сообщение Индокитая достигло своего пика за весь год. Пароходы совершали последние рейсы. На водных путях кипела жизнь: правительственные катера и частные туристические суда суетливо сновали туда-сюда. Туристический бизнес в этом году шёл на удивление бойко.

Когда Смит по пути в горную страну встретил две экспедиции, он присоединился к одной из них — группе Уэмисса, приняв их за обычных туристов. Ему и в голову не пришло заподозрить неладное — да и с чего бы? Другое дело — тот смуглый человек, конечно.

Смит догнал армянина чуть выше Хайфона. Они разбили лагерь вместе и провели большую часть ночи за разговорами. Этот высокий, худой, смуглый человек с пылающими глазами странным образом заворожил Смита. Мужчины сразу потянулись друг к другу — такое иногда случается в джунглях. Армянин, разумеется, и не подозревал, что Смит совсем не тот, кем кажется.

Его звали Ардзуни. Он бегло говорил на всех языках, побывал повсюду в мире и знал всё на свете. По крайней мере, такое впечатление он производил — а Смита было нелегко впечатлить. Даже нефритовая рыбка заинтересовала его лишь слегка.

Смуглый человек достал рыбку из своих вещей и показал её. Предмет напоминал двойную рыбу по форме, был сделан из очень чистого белого нефрита и покрыт идеограммами, которые Смит прочесть не мог. Китайская вещь. Ардзуни рассматривал её с огромной гордостью.

— Это великая реликвия, — сказал он. — При династии Тан в Китае это был императорский символ, который носил сам император; то же было при династиях Сун и Мин. Турки переняли этот царский знак у китайских монголов и принесли его в Египет, где он стал гербом семьдесят восьмого янычарского полка. Султан Калоун сам носил его как герб, равно как и другие. Замечательная вещь, замечательная! Но не такая замечательная, как орёл.

Смуглый человек убрал нефритовую рыбку и закурил сигарету. Смит был слегка забавлён всем этим.

— Так почему же орёл так замечателен? — спросил он.

— Потому что я из крови орла, — ответил Ардзуни.

В облике армянина была какая-то особая сила. В его учёности и эрудиции сомневаться не приходилось; а в его гигантском костлявом теле чувствовалась невероятная мощь. Человека окутывала необъяснимая аура тайны. Смит сидел у костра, смотрел на бурлящую коричневую реку внизу и на лодочников, сидящих на корточках за едой, и размышлял.

— Имя Ардзуни нечасто встретишь, — заметил он.

Смуглое лицо армянина вспыхнуло.

— Это правда. И всё же вы найдёте его знаменитым в летописях многих земель. На стенах цитадели Каира, на западном фасаде, высечен огромный орёл. Его вырезали там по приказу визиря Саладина, чьё имя было Ардзуни.

— Прошу прощения, — мягко вмешался Смит. — Я как раз недавно читал об этом высеченном орле. Визиря звали Каракуш; он был армянином.

Другой сделал властный жест.

— Разумеется! Каракуш — это турецкая форма имени, оно означает "носитель орла". Во времена древних армянских царей мой предок нёс золотую царскую птицу на древке; отсюда и имя. С тех пор оно распространилось далеко. Это был Ардзуни, кто убил эмира Тофтджи в 698 году хиджры — славный подвиг, о котором можно прочитать в трудах Макрузи. Ардзуни,

— тут говорящий махнул рукой на север, — был с Шамс ад-Дином Омаром, арабом, который завоевал Юньнань для монголов. Орлиный герб прошёл через все эти земли; это был Ардзуни, кто вёл китайскую армию против Кохинхины.

Смит начал проявлять интерес.

— Полагаю, — сказал он, — ваш орёл — тот же самый, что двуглавый орёл Австрии и России?

Ардзуни сверкнул белыми зубами в смехе.

— Ну что вы, друг мой! Для охотника за рогами вы неплохо справляетесь. Нет, тот двуглавый орёл — древний орёл хеттов. У орла Ардзуни одна голова. Ардзуни нёс этого орла под знаменем Кортеса; другой, под командованием Дуарте де Менезеса, дошёл с ним до гробницы святого Фомы; а я, последний Ардзуни, несу его в горы этой страны!

Резким движением человек распахнул рубашку и дал Смиту взглянуть на татуировку — пернатого орла на груди, красного и синего цвета. Это была великолепная вещь в геральдическом стиле, с распростёртыми крыльями. Смит улыбнулся этому. Он поймал себя на том, что этот человек ему странно нравится.

— Великие имена здесь долго не живут, — сказал он, не без скрытого предупреждения. — Человек, заявивший, что он последний Палеолог, был убит всего год назад, недалеко от Хюэ.

— Мой род был древним ещё до того, как услышали о Палеологах, — ответил Ардзуни, и в его глазах блеснула гордость.

— Мне было бы жаль узнать, что вы умерли от лихорадки джунглей, — отозвался Смит.

— Что до этого — какая разница? Все умирают. Если бы смерть была концом жизни, мы могли бы её бояться; но она лишь начало. Черепаха, что ползёт, — китайский символ долголетия. Я — орёл, и я не намерен ползать!

— Тогда летите высоко! — шутливо сказал Смит. — В этих краях похоронили много королей.

Другой рассмеялся.

— Вы настоящий американец — никакого почтения к королевской крови, а? Что ж, я тоже не испытываю, кроме своей собственной. Я не умру в джунглях; моя судьба лежит выше. Я иду искать город, о котором читал в книге и о котором люди рассказывали мне любопытные вещи. Думаю, моё счастье ждёт меня там.

— Моё — в горах, — сказал Смит и усмехнулся. — Рог носорога — моё счастье. У меня есть концессия от правительства, и в этом деле есть деньги. Китайцы охотно покупают рог для медицинских целей. Кстати, как называется ваш город? Вы ведь не на пути городов здесь, боюсь.

— Где-то на границе — Нгонфу, так он называется.

— О! — сказал Смит, и его лицо изменилось.

Ардзуни бросил на него быстрый взгляд.

— Вы слышали об этом месте?

— Я там был, — сказал Смит с отсутствующим видом.

При этих словах армянин вздрогнул и пристально уставился на Смита. Затем он откинулся на спину, зажёг новую сигарету и начал яростно курить.

— Хорошо! Хорошо! — энергично воскликнул он. — Расскажите мне об этом городе.

Смит поймал себя на том, что смеётся над импульсивной товарищеской манерой этого человека.

— Пару лет назад, — объяснил он, — я был в тех краях по делам с рогом и посетил это место. Оно датируется династией Сун, насколько я помню. Когда маньчжуры завоевали Китай, один из мандаринов Минг осел там как правитель, и позже его потомки были утверждены во власти императором Цяньлуном. Когда я был там, мандарином был старик по имени Ван Лин.

Он не счёл нужным говорить всю правду. Он не сказал, что открыл Нгонфу французскому резиденту. Когда Смит охотился за рогом носорога южнее границы Юньнани, у него обычно были и другие поручения. Даже в джунглях секретный правительственный агент может быть весьма полезен.

— Эти люди, — продолжал Смит, — говорят на старом языке, родственном современному кантонскому, и сохраняют старые обычаи. Мой друг Брайс провёл там обширное исследование для Школы Дальнего Востока в Ханое, но оно ещё не опубликовано. Это небольшой обнесённый стеной город, и у мандарина было несколько хороших винтовок. Там также был колледж шаманов, или волшебников, связанных с фан ши древнего Китая; но, вероятно, французский резидент подавил этих господ.

— Хорошо! — воскликнул Ардзуни. — Это отлично вписывается!

— Во что? — с живым любопытством спросил Смит.

— В мою судьбу, — ответил тот и внезапно сменил тему.

Они расстались утром. Чем больше Смит узнавал армянина, тем больше он недоумевал. Помимо его учёности, помимо его безграничной физической силы, этот человек был безрассуден и импульсивен, одержим высокими мечтами — и всё же Смит ему нравился. Ардзуни мог быть глупцом, но никогда — ничтожеством.

Так смуглый человек двинулся дальше на север, помахав рукой на прощание и выкрикнув что-то про орла и Нгонфу.

Глава II

Смит продвигался на запад в горную страну — неспешно, без суеты. Его шесть парней во главе с Нинь Бангом служили ему время от времени уже несколько лет. С ними он мог справиться с чем угодно. Эти шестеро составляли целую армию.

Затем произошла встреча с Уэмиссом. Майор Артур Уэмисс был длинноносый шотландец, высохший и пожелтевший, с зловещим изгибом бровей, который странно напоминал Мефистофеля. У него была горнодобывающая концессия в горах, и он то и дело ездил туда годами — где-то между Бирмой, Юньнанью и Аннамом, в шанских княжествах. Он говорил отрывисто и уклончиво обо всём, и Смит не стал бы с ним любезничать, если бы не дочь.

Флоренс Уэмисс преподавала в школе в Рангуне и теперь сопровождала отца обратно в горы. Это была молодая женщина лет двадцати шести; тихая, немного чопорная, в её манерах сквозила тревога или робость. Смиту было её жаль. Майора Уэмисса он не слишком жаловал.

Поскольку они порядочно отклонились от прямого пути в этой части страны, Смит принял как должное, что они просто путешествуют ради удовольствия. Ему и в голову не пришло — до самого конца их встречи — что Уэмисс мог лгать ему насчёт горной концессии и прочего. Было очевидно, что этот человек давно обосновался в тех краях. Смит подозревал, что тот порядком пристрастился к опиуму, и был рад наконец от него отделаться.

Это были всего лишь случайные попутчики; но в последующие две недели память об Ардзуни не отпускала Смита. Этот смуглый человек захватил воображение, и Смит гадал, удалось ли ему достичь своей цели. В лучшие времена добраться до Нгонфу было трудно. Из-за колдунов и китайцев горцы-брауны отказывались приближаться к тому месту. Что именно Ардзуни собирался делать после того, как доберётся до города, оставалось загадкой.

Прошло добрых две недели после встречи с группой Уэмисса, когда Смита нагнал правительственный катер, который шёл за ним следом. На катере находился напыщенный колониальный чиновник, и у чиновника было конфиденциальное письмо лично от генерал-губернатора к Смиту.

В письме предписывалось оставить нынешние дела и как можно скорее добраться до Нгонфу. Послание продолжалось:

"По сообщениям местных жителей, наш резидент там мёртв, но ничего определённого мы узнать не можем. Никакие курьеры не могут пробиться. Горные племена взбудоражены; ходят слухи о серьёзных беспорядках в самом городе Нгон".

"Прошу вашей помощи в этой чрезвычайной ситуации. Прилагаю ваше назначение временным резидентом и прошу немедленно сообщить мне обстановку. Я уверен, что ваши способности и знание языка сослужат вам хорошую службу".

"Вы имеете полную свободу действий по своему усмотрению. Любое требование войск или иной помощи будет немедленно удовлетворено. Приказы такого рода разосланы на все посты. Советую приложить все усилия, чтобы произвести впечатление на этих людей и обеспечить нам безопасность в этом уголке страны".

Затем, складывая письмо, он заметил небрежно нацарапанную строчку с инициалами, поспешно написанную как постскриптум. Он прочёл её с изумлением в глазах:

"Только что узнал, что турок или армянин по имени Ардзуни контрабандой поставляет патроны туземцам и разжигает беспорядки. Арестуйте его или иным образом устраните".

Смит присвистнул над этим. Ардзуни — контрабандист патронов? Невозможно! У смуглого человека почти не было снаряжения или багажа.

— Где ближайшие войска? — спросил он чиновника. — И какая у них численность?

Тот ответил. Смит оторвал край письма и одолжил карандаш. Он написал короткую записку и передал её чиновнику.

— Передайте это командующему и скажите ему, чтобы он пренебрегал этими инструкциями на свой страх и риск. Благодарю вас, месье, за хлопоты и усилия. У вас есть французский флаг, который вы можете мне одолжить? Отлично! Можете сообщить его превосходительству, что я получил его приказы и теперь направляюсь в Нгонфу.

Чиновник пыхтел от изумления. Всего пять минут разговора после дней и недель на парящей реке! Никакого требования новостей, сплетен или людей!

— Невозможно, месье! Вы должны получить вооружённый эскорт!

Смит, слегка улыбаясь, похлопал по автоматическому пистолету на бедре.

— У меня он есть.

— Но люди! Вам нужны носильщики, охотники, местные проводники, провизия и обоз —

Смит указал на своих шестерых тайских парней, сидевших на корточках у лодки.

— Они здесь.

— Но, месье! Это невероятно! Вы не можете идти вот так, в одиночку!

— Я иду не один. — Смит указал в небо. — Надеюсь, месье, вы не атеист?

Оцепенение охватило чиновника. Он едва смог ответить на прощание, которое Смит ему сделал. Он смотрел выпученными и недоверчивыми глазами, как американец садится в лодку, и лодка исчезает вдали. Затем он беспомощно всплеснул руками.

— Этот человек сумасшедший! — сказал он. — Впрочем, мне кажется, лучше доставить его приказы аккуратно.

Мудрое решение!

Что касается Смита, он был скорее доволен поворотом событий. Он говорил на большинстве местных диалектов и мог управляться с китайским языком, которым пользовались жители Нгон. Единственное, что его беспокоило, — нехватка сведений о том, что произошло в Нгонфу.

Чтобы исправить это, он позвал своего старшего парня, Нинь Банга. Этот смышлёный охотник выслушал приказы Смита без комментариев.

— Мы идём в Нгон. Отправляйся один сегодня ночью, впереди нас. Разузнай, что случилось в той стране. Помнишь смуглого человека, которого мы встретили три недели назад? Постарайся выяснить что-нибудь о нём. Присоединишься ко мне, когда представится возможность. Мне понадобится отправить тебя вперёд, в Нгонфу, чтобы найти этого смуглого человека снова.

Нинь Банг солидно кивнул. Этой ночью он исчез.

Глава III

Мандарин Ван Лин почил с отцами, и вот — в земле Нгон появился новый правитель. Последним в своём роду был Ван Лин, чьи предки оставили ему цветущие долины, укрытые среди гор, и великий город Нгонфу посреди них. Он умер однажды ночью во сне после пира, на котором французский резидент сидел по правую руку мандарина как почётный гость. По странному совпадению этот одинокий француз тоже умер во сне той же ночью.

Тихо и безболезненно бразды правления перешли в руки Лю Ку — огромного жёлтого евнуха, правившего дворцом. Лю Ку повидал мир — Ханой, Юньнань, Рангун — и за его пухлым лунным лицом скрывался необычайно острый ум. Он не пытался взойти на вакантный трон мандарина. Вместо этого он посовещался с главным колдуном из колледжа шаманов — и результат оказался поразительным.

Если бы Марко Поло ступил в Нгон двадцатого века, он нашёл бы его не слишком отличающимся от Китая времён Кублай-хана. Чистокровные жители принадлежали к коренной китайской расе, называвшей себя сынами Тан; они не носили косичек, надевали шапочки и одежды династии Мин и сохраняли многие древние обычаи, неизвестные в современном Китае. В основном это были купцы, знать или солдаты. Смешанной крови составляли низший класс, ниже которого стояли коричневые туземцы — немногим лучше рабов.

Город был построен из кирпича и дерева и группировался вокруг огромного дворца, обнесённого кирпичной стеной площадью около пятидесяти акров. Здесь жил мандарин со своей свитой из знати и солдат — город внутри города. Никому, кроме людей чистой китайской крови, не дозволялось входить за эти дворцовые стены, охраняемые тридцатифутовыми бронзовыми фениксами как стражами против злых духов. Рядом с фениксами стояли солдаты с винтовками.

То, что знать Нгона, ведущая свой род со времён императоров Южной Сун, будет управляться луноликим евнухом, было совершенно немыслимо. Лю Ку прекрасно это знал. Поэтому он издал эдикт, который поверг всех в Нгоне в полное замешательство и изумление.

Лишённый словесных украшений и изложенный простыми словами, этот эдикт гласил:

"Фан ши прочли в книгах воздуха и воды, что боги неба и земли назначили нового правителя Нгону. Имя его неизвестно, ибо его посылают боги. Он прибудет в течение двадцати дней со дня смерти Ван Лина.

Он белый человек, но он из царской крови Тан и носит священный символ царственности — белую нефритовую рыбку. На груди у него боги отметили тот же символ, что высечен на каменной плите над Хсименом".

С того часа, как был написан этот эдикт, толпы собрались у Западных ворот, где они не переставали смотреть на любопытную каменную плиту над ними и гадать о воле богов. Эти жёлтые люди были упрямы и вспыльчивы, но при этом чрезвычайно суеверны и не сомневались в пророчестве — особенно когда следующие три недели должны были подтвердить его или опровергнуть.

Лю Ку призвал своего заклятого врага, полковника Чжоу, одного из вождей знати, и дал ему сто солдат — десять стрелков с винтовками и остальных лучников.

— Охраняйте южные долины, — приказал он. — Пресекайте всякое сообщение с землями за пределами, и особенно с французами.

— А если этот новый правитель, посланный богами, прибудет? — спросил полковник.

Лунное лицо Лю Ку исказилось улыбкой презрения.

— Эй! Колдуны дураки, а их видения навеяны вином!

Полковник Чжоу распространил эти слова среди своих собратьев-аристократов, большинство из которых люто ненавидели толстого евнуха, и отправился выполнять поручение. Так знать решила выждать и посмотреть, что произойдёт — именно этого и желал Лю Ку.

Тем временем узурпатор отправил пятьдесят дворцовых лучников в горы — разграбить ближайшее шанское племя и привести девушек-рабынь; и ещё пятьдесят — встретить торговый караван, ожидавшийся с границы Юньнани. Французский резидент запретил торговлю с Китаем, но он был мёртв и больше не мог этому помешать.

Никому не пришло в голову — да и как могло прийти? — что все эти события удивительно хорошо приурочены, и что их совпадение поистине необычайно.

Отряд вернулся из гор на восемнадцатый день, приведя множество девушек и большое количество первосортного опиума. В тот же день прибыл караван из Юньнани — длинные ряды носильщиков, длинные вереницы мулов, все тяжело нагруженные товарами. Базары переполнились до отказа. Меха и шёлка, чернила и кисти, горшки и фарфор, оружие и священные изображения — всё, что можно было привезти из древнего Китая, было здесь.

Старый город вновь дышал жизнью и силой. Паланкины покачивались по улицам, солдаты гордо вышагивали, винные лавки и игорные притоны гудели от торговли. Нгонфу, владычица холмов, снова стал самим собой!

Наблюдатель задался бы вопросом экономики — откуда взялись деньги на эту огромную партию товаров из Китая? Если бы ответ был известен заранее, не один, а сотня французов квартировала бы в резидентстве.

На следующий день город заполнили сельские жители. Все были напряжены до предела; ибо сегодня или никогда пророчество должно было исполниться. Если оно провалится, евнух Лю Ку, вероятно, будет убит во дворце, и сильнейший из знати — полковник Чжоу — станет правителем Нгона.

Два часа пополудни — и запруженные улицы и базары внезапно погрузились в тишину. Люди смотрели в небо, переглядывались, бормотали благоговейным шёпотом. Над городом, поднимаясь из долин внизу, плыл глухой гул — меньше звук, чем вибрация.

Это был звон огромного бронзового гонга в ближайшей сторожевой башне, в четырёх милях вниз по долине. Ему ответил грохочущий бой гонга в дворцовой башне.

Гости — чужеземцы из внешнего мира!

У Западных ворот обнесённого стеной дворца город был забит людьми. Толпы выплёскивались за пределы города в открытую местность. Они ждали, большей частью молча, в добродушной и терпеливой манере жёлтой толпы. Город опустел — каждый мужчина, женщина и ребёнок были здесь.

Когда показались полковник Чу и его эскорт, поднялся низкий ропот, который перерос в могучий рев, затем снова сменился тишиной. Медленно, как волна, толпа простёрлась ниц перед человеком, ехавшим на муле рядом с разряженным в парадную форму полковником Чжоу. Медленный вздох удивления и благоговения вырвался изо всех уст; затем вновь наступила тишина — тишина почитания и страха.

Это был правитель, посланный богами — без сомнения! Белый человек, обнажённый по пояс, вокруг бёдер — пышная саронг из императорского жёлтого шёлка; на белой безволосой груди — великолепно раскрашенная фигура орла, идентичная фигуре, высеченной над Хсименом; и на шее на ремешке — белая нефритовая рыбка, символ царственности.

Ардзуни был горд, проезжая сквозь эти простёртые ряды. Царственная гордость вспыхивала в его глазах, черты лица светились высокомерием удовлетворённой тщеславности. Да, хоть он и знал, что это обман, сегодня он был горд!

Он подъехал к Западным воротам рядом с полковником Чжоу и остановился. В воротах стоял паланкин евнуха Лю Ку, и евнух простёрся на пути; но Ардзуни смотрел не на Лю Ку.

Вместо этого он поднял глаза к высеченному камню над Хсименом и уставился на него. Затем, с великим смехом, он поднял руку в приветствии камню.

— Приветствую, Ардзуни! — воскликнул он по-английски, и его звучный голос прокатился как вызов. — Один из твоего рода снова идёт этим путём и приветствует тебя!

Затем он повернулся к фигуре Лю Ку, который заговорил из пыли по-французски:

— Позволит ли его величество мне подняться?

— Позволено, — ответил Ардзуни на том же языке, величественно подкручивая усы.

Он мгновенно понял, что многие офицеры и знать понимают французский, и был настороже.

Лю Ку поднялся, кряхтя, когда его огромная туша приняла нормальное положение, и посмотрел в лицо Ардзуни. Его собственное пухлое лунное лицо выражало гладкую и сонную усмешку, словно под поверхностью скрывалась сардоническая ухмылка. Но когда он встретил взгляд Ардзуни, в этом лице произошла перемена — те тёмные сверкающие глаза казались впивались в него, как кислота.

— О, сын неба! — сказал он, обращаясь к Ардзуни августейшим титулом царственности. — Будет ли угодно тебе войти и взять во владение это бедное место?

Он повторил слова по-китайски. Ардзуни немедленно согласился. Солдаты издали внезапный торжествующий крик, который повторил народ. Лю Ку приказал принести царские одежды, и их надели на смуглого человека прямо там, в воротах.

Так Ардзуни пришёл к своему королевству, подобно герою легенды или романа, шагнув нагим из джунглей на трон. И мало кто подозревал — меньше всего сам Ардзуни — какой водоворот крови, предательства и интриг обрушится на этот его трон прежде, чем пройдёт месяц.

Ибо даже тогда Уэмисс стремительно приближался к Нгонфу.

Глава IV

— С преподаванием в школе покончено навсегда, моя дорогая, — сказал майор Артур Уэмисс дочери накануне их прибытия в Нгонфу. — Мы проведём неделю в этом городе. Оттуда отправимся на север и восток в Юньнань, затем к побережью — и домой, в Англию; и с нами пойдёт состояние.

Девушка устремила на отца свои большие влажные глаза, похожие на оленьи, которые, казалось, выражали так много невысказанного. Она не была красива, эта девушка; совсем не была красива, но в ней угадывалась особая глубина и сила.

— И это состояние, отец, связано с тем странным армянином, которого мы встретили в Рангуне?

Желтолицый человек тонко, цинично улыбнулся.

— Именно так, моя дорогая Флоренс! Я согласился сделать этого человека королём. Взамен он согласился сделать меня богатым. Разве может быть что-то справедливее?

Флоренс Уэмисс обдумала этот вопрос мгновение.

— На поверхности — нет, — ответила она; — но если ты думаешь, что этот человек Ардзуни станет просто инструментом, пешкой в твоей руке, будь осторожен! Истинное величие недалеко от него.

— Ба! Он тщеславный павлин, — сказал её отец. Он не заметил, как вспыхнули глаза девушки при этих словах. — Странно, какая судьба бросила его мне в руки! Совпадение того, что этот человек попался мне, было поистине замечательным — этот человек, с его именем и с великим орлом, вытатуированным на груди. Я был в Нгонфу и знал об орле над воротами города.

Он внезапно повернулся к дочери, почти с унижением в голосе.

— Признание, моя дорогая! Я договорился отправить человека в Нгонфу с нефритовой рыбкой, которую я подобрал в Юньнани. Ему должны были вытатуировать птицу на груди, и он должен был явиться там как посланник небес, чтобы занять трон. Я приехал в Рангун забрать тебя и подготовить этого человека — и встретил Ардзуни. Можешь ли ты представить себе более удивительную вещь?

Глаза девушки смотрели на него не без горечи.

— Да, — неожиданно ответила она. — Я могу представить гораздо более удивительную вещь — что ты мог бы добыть это своё состояние честно.

Медленный румянец проступил на желтоватых щеках её отца.

— Эгэд! У тебя немного иллюзий насчёт старого папаши — а, что скажешь?

— Ты ожидаешь, что они у меня будут? — спросила девушка.

Это его особенно смутило.

— Я мог бы почти подумать, что ты восхищаешься этим малым Ардзуни.

— По крайней мере, он честный мечтатель.

Уэмисс больше ничего ей не сказал в тот вечер, но дулся в одиночестве. Он немного боялся этой своей дочери, хотя любил её и с радостью умер бы за неё. Как он говорил, она не питала иллюзий насчёт своего отца. Она знала его как авантюриста, и всё же держалась за него. Когда его меченые карты и эгоистичные замыслы заканчивались провалом и позором, как это неизменно случалось, она сопровождала его в следующей безумной затее и не жаловалась. Однако она не участвовала в его схемах.

В данном случае у Флоренс Уэмисс были основания для жалобы. Их туземцы разбежались при первой встрече с солдатами Нгона; они остались одни, охраняемые как пленники, их снаряжение потеряно или украдено. Когда они приблизились к городу, куда грохот бронзы принёс весть об их прибытии, меньшее, чего ожидала девушка, — это заключение.

Она была приятно удивлена, когда снаружи тесных построек внешнего города расступившиеся толпы дали проход эскорту, который принёс паланкин для неё. Офицер, командовавший эскортом, кратко обратился к её отцу по-французски, и Уэмисс торжествующе повернулся к ней.

— Клянусь Юпитером, Флосси, мы выиграли партию! Входи, девочка! Завтра ты начнёшь видеть такие драгоценности, о каких читают в историях. Этот малый победил. Входи!

Она забралась в паланкин и таким образом вошла в Нгонфу. Однако, к её разочарованию, их не встретил Ардзуни, и они не видели его до тех пор, пока той же ночью их не провели из их покоев к нему в аудиенц-зал дворца.

Флоренс Уэмисс видела Ардзуни в последний раз как почти нищего солдата удачи, который даже тогда поразил её своим величественным видом и импульсивным духом. Теперь она увидела его центром восточной роскоши, великолепно одетым и украшенным драгоценностями, окружённым охраной и знатью; и если когда-либо человек действительно выглядел королём, то это был Ардзуни в этот миг. И он не дал им ни малейшей улыбки приветствия, но заговорил по-французски, достаточно царственно:

— Ждите моей воли, пока я не смогу поговорить с вами наедине. Лю Ку! Где этот пёс-евнух? А, выйди вперёд! Приведи того солдата, который просил суда у меня.

Лю Ку вышел из сверкающей толпы, склонил свою огромную тушу в поклоне и поднялся.

— Солдат здесь. Пусть мой господин помнит, что пёс, который делил кость с чужим псом, просит благодарности, а не рычит!

Уэмисс уставился на это, мгновенно понимая, что грозит беда. Вот оно, явное и открытое неповиновение. Ардзуни вскочил на ноги, белый от ярости.

— Будь осторожен, жирная лягушка — будь осторожен, чтобы орёл не вонзил когти в тебя! Но приведите этого солдата, и давайте закончим.

— Этот человек должен быть сумасшедшим! — прошептала Флоренс на ухо своему отцу.

И всё же её глаза широко раскрылись от восхищения, когда она смотрела на Ардзуни. Уэмисс теребил губы и тихо проклинал себя.

Вперёд вышел солдат — офицер дворцовой стражи, великолепный в своём панцире из вышитого шёлка и плюмажной золотой каске. Лю Эл предъявил ему обвинение, сначала по-китайски, затем короче по-французски. Среди окружающей толпы произошло движение, и поднялся шёпот сочувствия. Этот офицер был одним из знати и приходился родственником полковнику Чжоу.

— Чёрт возьми! — внезапно воскликнул Ардзуни. — Да ведь этот человек осмелился лишь полюбить одну из дам дворца!

— Это святотатство! — закричал Лю Ку. — Шу — дочь Ван Лина!

Ардзуни сделал нетерпеливый жест.

— Пусть женится на ней и будет счастлив! Человек повышен в звании на одну ступень и назначен командиром моей личной охраны. Достаточно этого! Я хочу говорить наедине с этими чужеземцами — и с тобой также, Лю Ку.

При этом внезапном распределении справедливости в зале произошло движение — движение удивления, восторга — и вздох из других мест. К счастью для Ардзуни, ни одного шамана здесь не было, ибо гнев фан ши обрушился на несчастного солдата.

Лю Ку прикусил губу от ярости, но не посмел протестовать. У него были свои приверженцы, но он не был готов к открытому разрыву с новым правителем. Кроме того, он с тревогой ждал возможности поговорить с Уэмиссом.

Флоренс и её отца проводили в комнату рядом с главным залом толстый евнух, который быстро говорил на ухо Уэмиссу, пока они шли. Он продолжал тихий разговор после того, как они уселись в огромные красные лакированные кресла, и во время краткого ожидания, которое последовало. Уэмисс, слушая напряжённо, выглядел встревоженным и обеспокоенным.

Девушка далеко не знала, что именно или сколько из этой интриги лежит на совести её отца; но она уже поняла, что Ардзуни, кажется, опьянен властью, в которую он так внезапно вступил. Вскоре ей предстояло понять, однако, что армянин довольно хорошо знает, что делает.

Дверь открылась, и появился Ардзуни, всё ещё в своём великолепном костюме. За ним стояли двое солдат с алебардами, которые заняли позиции у двери. Лю Ку поднялся с гневным жестом, но смуглый человек рассмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.